

П. С. Горякин

ГЕОРГИЙ ЭРАСТОВ — ПИСАТЕЛЬ-АКТЕР

Имя человека, о котором пойдет речь, до недавнего времени пребывало в неизвестности. Судьба Георгия Эрастова — русского писателя отнюдь не первого разряда — не оставила заметного следа в истории литературы. Его современниками были М. Горький, Л. Н. Андреев, А. А. Блок, А. Белый: славные имена эпохи серебряного века заслонили собой личность тщеславного, далеко не столь одаренного литератора. Для современного исследователя интерес может представлять не столько творчество Эрастова, сколько его жизнь в контексте эпохи и автобиографический миф писателя, часто выдававшего желаемое за действительное.

Личность Георгия Эрастова была открыта финским ученым-славистом Бенем Хеллманом и английским исследователем Ричардом Дэвисом, который обнаружил в нью-йоркском архиве набросок мемуаров писателя на английском языке. В этом отрывке Эрастов выступил в привычной для него роли мистификатора. Дабы разделить факты и вымысел, Хеллман на протяжении нескольких лет собирал связанные с Эрастовым материалы в архивах США, Скандинавии и России — такова география творческой деятельности писателя. Результатом этих изысканий явилась русскоязычная статья «Георгий Эрастов — писатель, который пропал».¹ Наше исследование во многом опирается на предшествующий опыт и в то же время полнее раскрывает российскую часть биографии Эрастова.

* * *

Генрих (Георгий) Эдельман появился на свет 15 (28) июля 1875 г. в селе Язвино близ города Двинска Витебской губернии. Вскоре семья переехала в Витебск, где и прошли детство и юность будущего литератора. Сохранились сведения о том, что он состоял в лютеранском приходе св. Барбары и учился в городской гимназии.²

¹ Хеллман Бен. Георгий Эрастов — писатель, который пропал // Лица: Биографический альманах. СПб., 2004. Вып. 10. С. 5—54 (далее — Хеллман).

² Там же. С. 6.

О его родителях известно мало. Мать, Мария Львовна, полька по происхождению, называла себя впоследствии «вдовой потомственного дворянина»³ и «потомственной дворянкой»,⁴ впрочем, доказательств ее благородного происхождения нет;⁵ об отце, Павле Эдельмане, мы точно знаем лишь то, что он ушел из жизни еще в годы юности Георгия. Не вполне ясна этническая принадлежность Эдельмана-старшего: вероятно, он был немцем, в пользу этой версии говорит факт определения сына в лютеранский приход, в метрических книгах которого значилось немецкое имя Heinrich, и даже в педантичной настойчивости отца по поводу поступления Георгия в техническое училище и получения им серьезной инженерной профессии можно усмотреть проявление немецкого менталитета.⁶

Однако в целом в характере Георгия Эдельмана те или иные этнические особенности, если они и имели место, практически нивелировались. Вместо них выступает универсальный образ художника, в широком смысле этого слова, стесняемого обстоятельствами жизни, стоящего перед выбором между свободой творчества и непризнанной гениальностью, с одной стороны, и материальным благополучием — с другой. Таким он изобразит себя в своей самой известной пьесе «Продана». Но был и второй образ, реальный, биографический — человека, оказавшегося на периферии литературной жизни, мучительно переживавшего недостаток таланта и избыток самолюбия, доведенного до отчаяния сознанием своей неприкаянности и бесполезности. Порой, окрыленный мимолетным успехом, Эрастов тщетно пытался скрыть эту правду даже от самого себя. Таким предстает он со страниц других сохранившихся произведений и ненаписанного «романа» о своей жизни.

Эдельман — настоящая фамилия Георгия — почти не встречается в упоминаниях о нем. Георгий был известен под псевдонимом «Эрастов», закрепившимся за ним на всю жизнь. Возможно, такова была девичья фамилия матери Георгия,⁷ но, скорее всего, Эрастов (греч. *erastos* — «милый, приятный») — это лишь отвлеченное литературное имя, популярное в частности в сентиментальной литературе начала XIX в. (ср. Эраст в «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина), намекающее на романтическое мировоззрение носителя фамилии.

Закончив Витебскую гимназию и проучившись три года по ненавистной ему технической специальности, Эрастов после смерти отца бросил учебу и, практически не имея денег, несмотря на протесты матери, отправился в Петербург — поступать в Академию художеств. С подачи сочувствующего профессора скульптуры Эрастов получил небольшую стипендию и позволение ночевать в мастерской. Однако после того как его покрови-

---

³ РО ИРЛИ, ф. 540 (Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Императорской Академии наук), оп. 2, ед. хр. 652, л. 19. Письмо Марии Эдельман от 7 апр. 1904 г.

⁴ Там же, л. 22. Письмо от 4 апр. 1907 г.

⁵ Дворянская семья во главе с протоиереем Иоанном Дмитриевичем Эрастовым, проживавшая в Екатеринодаре Кубанской области, к Георгию Эрастову отношения не имеет.

⁶ Хеллман. С. 6.

⁷ Так, письмо в Постоянную комиссию от 23 ноября 1913 г. (РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, ед. хр. 652, л. 24) мать Эрастова подписала «Мария Эдельман-Эрастова», однако она могла сделать это и для того, чтобы надежнее отождествить себя с сыном-литератором.

тель уехал из Петербурга, он, оставшись без средств к существованию, был вынужден на время покинуть Академию художеств.⁸ Бедственное положение Эрастова усугубилось с переездом в столицу его матери и младшего брата Владислава. Теперь, чтобы содержать семью, он был вынужден довольствоваться любым доступным заработком. Чертежник, рекламный агент, карикатурист, фотогравер — вот далеко не полный список профессий Эрастова. В незаконченной англоязычной автобиографии упоминается следующий случай. Эрастов, изготовивший по заказу серебряное блюдо с изображением императора Александра III и искусным орнаментом, был, по его собственным словам, приглашен на аудиенцию в Аничков дворец; прием протекал чинно и благопристойно, но вдруг Эрастов самым неприкрытым образом закурил в присутствии Марии Федоровны, чем вызвал грандиозный скандал.⁹

Конечно, достоверность этого рассказа вызывает сомнения, но характерен эпатажный образ — нигилиста, нарушителя установленных правил и приличий, созданный Эрастовым в англоязычной автобиографии, которая, со всей очевидностью, задумывалась в рекламных целях, для преподнесения западному читателю.

В 1894—1895 гг. Эрастов посылает свои первые литературные опыты С. А. Венгерову. В основном это были рассказы под условным заголовком «В современном Петербурге», раскрывающие некоторые стороны столичного быта. К ним относятся рассказы «Ниночка» — о судьбе наивной провинциальной девушки, вынужденной забыть гордость и стыд и устроиться на содержание к богатому и красивому графу, а затем и к менее привлекательному, но более влиятельному восьмидесятилетнему генералу; «Спиритуалистка»¹⁰ — о развратности и пошлости петербургского светского общества, погрязшего в супружеских изменах и глупых развлечениях вроде спиритических сеансов; фантазмагорический рассказ «Призрак (Святая драма)»,¹¹ по сюжету которого герой, охваченный кровавыми галлюцинациями, отравляет жену, а затем совершает самоубийство. Особняком стоит рассказ-притча «Статуя»¹² — о скульптурном изображении истины.

Ни один из этих рассказов не был опубликован. Литературные опыты Эрастова были еще слишком незрелы как по содержанию, так и по форме. Однако здесь впервые проявляется тяготение Эрастова к жанрам новеллы и притчи, философского рассуждения с очевидной морально-дидактической направленностью. Те же признаки будут характерны и для более позднего творческого периода.

В 1895 г. Эрастов начинает свою журналистскую деятельность в «Новостях и Биржевой газете». Впоследствии он будет сотрудничать во многих периодических изданиях, и выражение недовольства гонораром или,

⁸ См.: Хеллман. С. 6—7.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 6, ед. хр. 237 (Архив С. А. Венгерова). Автограф рассказа «Спиритуалистка», 1894 г.

¹¹ Там же. Автограф рассказа «Призрак (Святая драма)», 1894 г.

¹² Там же. Автограф рассказа «Статуя», 1895 г.

напротив, краткие просьбы об авансе или ссуде, вкупе с многочисленными письмами в благотворительные писательские организации, составят значительную часть его корреспонденции.

В начале сентября 1897 г. Эрастов посылает несколько рассказов на этот раз Д. В. Григоровичу и при этом описывает свое бедственное положение.¹³ Григорович обещал ходатайствовать о пособии в Литературном фонде, хотя к литературным опытам молодого писателя отнесся прохладно. 30 сентября того же года Эрастов подает первое прошение в Постоянную комиссию по пособию нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, в котором сообщает о необходимости содержать мать и малолетнего брата, утверждает, что живет «исключительно литературным трудом».¹⁴

Условия этого труда оставляли желать лучшего. За время жизни в Петербурге Эрастов сменил множество квартир: 9-я линия Васильевского острова, 4-я улица Песков, Большая Зеленина, Таврическая, Кронверкская, Бассейная, Лесная, Сестрорецк — это отнюдь не полный список его адресов. Дороговизна жилья, повторяющаяся ситуация, когда квартирант, подобно герою Достоевского, «должен кругом хозяйке», страх перед кредиторами вынуждали Эрастова все чаще и чаще справлять новоселье. Он продолжает обращаться в благотворительные организации, называя для этого новые причины: болезнь матери, устройство брата в военное училище и даже угрозу Союза русских писателей исключить его в случае неуплаты членского взноса. Однако исключить Эрастова могли и по другим причинам. Нелестные сведения были собраны П. И. Вейнбергом. Среди многочисленных свидетельств разгульного поведения Эрастова — кутежей, «распевания куплетов в кафешантане»¹⁵ — упоминается также и факт кражи книг из библиотеки Союза.¹⁶ После того как С. А. Венгеров и П. И. Вейнберг, ранее ходатайствовавшие в пользу молодого писателя, узнали о его похождениях, пособия из Литфонда резко сократились. Впрочем, еще ранее в журнал одного из заседаний за 1899 г. была внесена пометка по поводу молодого писателя: «Большой помощи не заслуживает».¹⁷

Возможно, чтобы опровергнуть сложившееся о нем невысокое мнение, Эрастов в 1899 г. берется за основательную работу — перевод нашумевшего сочинения Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».¹⁸ Перевод Эрастова не стал классическим, однако повлиял на мировоззрение писателя. Выходя за рамки аннотации к «Ницшеанской Библии», Эрастов в предисловии к изданию попытался — через призму творчества немецкого мыслителя — коснуться основного вопроса философии — о соотношении духовного и материального, вопроса, актуального для любого творца, писателя в частности.

Наряду с философскими в творчестве Эрастова все чаще проявляются морально-дидактические тенденции. Так, в стихотворении «Мулла-пропо-

¹³ Хеллман. С. 7.

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, ед. хр. 652, л. 2.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 17 от 29 июля 1902 г. (Здесь и далее, кроме указанных случаев, материалы ф. 155 цитируются по данным картотеки, так как к журналам заседаний нужные документы прикреплены не были.)

¹⁶ Там же.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 6 от 29 марта 1899 г.

¹⁸ Ницше Ф. Так говорил Зороастр: книга для всех и никого. Двенадцать притч из мистической поэмы / Перевод Г. П. Эрастова. СПб.: Типография Литвинова, 1900.

ведник», опубликованном в 1901 г. в журнале «Шут», автор, используя известный басенный сюжет и восточный фон повествования («Из сказок и басен Востока»), обличает ханжество, присущее лжеучителям современного ему общества:

<...>

Но раз к мулле пришел простой феллах
(За дерзость наглую — прости его Аллах!)
И так сказал: «В народе ходят слухи,
Что в доме у тебя царит разврат,
Что держишь ты рабынь и, будто бы, евнухи
Их днем и ночью сторожат!
Еще в народе говорят...».

Но мулла речь феллаха перервал
И, глядя на него с улыбкой, отвечал:
«Глупец! Всему должна быть мера!
Дальнейшего я слушать не хочу:
Вы делайте лишь то, чему я вас учу,
С меня же брать вы не должны примера!».¹⁹

Тема мудреца и проповедника как таковая или в аллегорическом свете часто встречается в творчестве Эрастова. Так, уже более поздний его рассказ «Таврийский раббан», опубликованный в 1903 г. в журнале «Русский паломник»,²⁰ повествует об отшельнике раббане Эссааре, жившем в римской области Таврии,²¹ в «вольном городе Тарсе», «после восемнадцати веков тому назад» и разбиравшем споры членов местной общины Израиля.

¹⁹ Мулла-проповедник (Из сказок и басен Востока): стихотворение // Шут. 1901. № 29. С. 3. Ср. с первым опубликованным стихотворением Пушкина «К другу стихотворцу» (1814):

<...>

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, — сказали простяки, —
Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь,
И верим мы тебе: да что ж сегодня сам...».
«Послушайте, — сказал священник мужикам, —
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне — не подражайте».

(Пушкин А. С. ПСС: В 15 т.

М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. С. 27)

²⁰ Таврийский раббан (Страничка из далекого прошлого): рассказ // Русский паломник. 1903. № 38. С. 646—647. Этот религиозный журнал издавался под редакцией А. И. Поповицкого и при участии отца Иоанна Кронштадтского (Иван Ильич Сергеев, 1829—1908).

²¹ Историко-географическая ошибка Эрастова, почему-то не принятая во внимание редакторами: Таврия — название Крымского полуострова, распространившееся со средних веков; даже если имелась в виду Таврика, южная часть Крыма, населенная таврами с V в. до н. э., то в любом случае все остальные географические объекты — город Тарс, Киликия, Памфилия — располагались на территории современной Турции.

В «Таврийском раббане» встречается характерный для Эрастова прием «немой» концовки, в данном случае призванной подчеркнуть нравственную победу Эссаара, восторг и почитание, которыми прониклись к нему не только соплеменники, но и язычники-римляне. Намеренная художественная незавершенность, ахронность повествования, заявленная в самом заголовке — «*Страничка из далекого прошлого*», позволяют нам воспринимать этот рассказ как некий отрывок, картинку, запечатлевшую образ древнееврейского мудреца, молящего Бога о благополучии для своего народа.

В ином ракурсе рассматривается Эрастовым тема проповедника в «Открытом письме Максиму Горькому». Это небольшое произведение было написано в качестве отзыва на повесть Горького «Трое», привлекая внимание критики 1901—1902 гг. В то время Горький был уже значительной величиной в литературе, и интерес к каждому новому его сочинению был оправдан. В этом смысле неодобрительный отзыв Эрастова не стал явлением исключительным. Даже «великие» отреагировали на повесть немногим лучше. Так, безысходность концовки повести вызвала отторжение у Чехова, одоббившего начало «Троих». «Ваши „Трое“ читаю с большим удовольствием — имейте сие в виду, — с громадным удовольствием»,²² — писал он Горькому 18 марта 1901 г. Однако от первого впечатления не осталось и следа, 7 декабря 1901 г. Чехов напишет жене: «Читал конец „Троих“, повести Горького. Что-то удивительно дикое. Если бы написал это не Горький, то никто бы читать не стал».²³

Сочинение Горького не было одобрено и известными критиками, с которыми судьба Эрастова в дальнейшем: И. И. Ясинским и А. А. Измайловым. Последний, например, отметил, что герои «Троих» настолько склонны к пессимизму и лишены надежды, что все их реплики сводятся лишь к мысли: «Жизнь — помойная яма, где люди возятся, как черви».²⁴ Того же рода аргументы против повести были положены Эрастовым в основу аллегорической рецензии «Открытое письмо Максиму Горькому».²⁵

В письмах в Литфонд и Постоянную комиссию соответственно от 24 июля²⁶ и 1 августа 1902 г.²⁷ Эрастов сообщает о смерти брата Владислава, последовавшей 21 июля в результате «острого воспаления почек»,²⁸ и просит денег на оплату лечения и похорон. Видимо, бедственное состояние семьи и петербургский климат подорвали здоровье мальчика. Однако Эрастов не мог позволить себе долго предаваться скорби. Имея «построчный заработок» в периодической прессе, он должен был писать регулярно

²² Письмо А. П. Чехова М. Горькому от 18 марта 1901 г. // *Чехов А. П.* ПССиП: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1980. Т. 9. С. 231.

²³ Письмо А. П. Чехова О. Л. Книппер-Чеховой от 7 декабря 1901 г. // *Чехов А. П.* ПССиП: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1981. Т. 10. С. 133.

²⁴ Там же. С. 525.

²⁵ *Эрастов Г.* Открытое письмо Максиму Горькому. СПб.: Изд-во Ф. И. Митюрникова, 1902.

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 17 от 29 июля 1902 г. Письмо Эрастова от 24 июля 1902 г.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, ед. хр. 652, л. 17.

²⁸ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 17 от 29 июля 1902 г. Цитируется по письму Эрастова от 24 июля 1902 г.

и быстро, при этом стараясь выкроить время на воплощение творческих идей.

В 1903 г. вышла его книга под названием «Искусство чтения. Практический курс логического и выразительного чтения для преподавания и изучения».²⁹ Это пособие стало плодом многочисленных изысканий Эрастова в области актерского мастерства, которому он некоторое время обучался на курсе знаменитого актера В. Н. Давыдова³⁰ (1849—1925) в Императорском театральном училище.³¹

Увлечение театром в 1899—1900 гг. захватило Эрастова так же стремительно, как еще совсем недавно страсть к живописи. Георгий публикует ряд статей об искусстве и даже, если верить его словам, каким-то образом участвует в постановке «Гамлета» (перевод К. Р.), осуществленной самим великим князем Константином — исполнителем главной роли — в Эрмитажном театре 17 февраля 1900 г.³² Заметим, что Эрастов вновь соприкасается с представителями императорского дома. В автобиографии он напишет: «Erastoff wrote the only critical review of the production which was published in the „Severny kuryer“ which was suppressed soon after that» («Эрастов написал единственный критический отзыв о постановке, который был опубликован в „Северном курьере“, вскоре после этого запрещенном»). Учитывая довольно прозрачный намек Эрастова на то, что именно его острая статья стала причиной запрещения такой благопристойной, с оттенком официозности, газеты, как «Северный курьер», мы ожидали бы от Эрастова разгромной критики придворного спектакля. Однако и здесь он не вполне откровенен. В газете была помещена лишь маленькая заметка, скупой и формально описывающая событие:

«В четверг, 17 февраля, на сцене театра Императорского Эрмитажа, в первый раз в присутствии Их Императорских Величеств и Высочеств, иностранных послов и других высокопоставленных лиц, была исполнена: „Трагедия о Гамлете, принце датском“, соч. Вильяма Шекспира, в переводе Августейшего президента Императорской Академии наук Его Императорского Высочества Великого князя Константина Константиновича. <...> В этом спектакле заглавную роль исполнял Августейший переводчик трагедии...»³³ и т. д.

Очевидно, что Эрастов в автобиографии порой заново переписывал эпизоды из своей жизни, добавляя шокирующие подробности. Мечтатель-журналист по-своему решал вечный вопрос «быть или не быть».

Так или иначе, Эрастов, ознакомившись с навыками актерского мастерства, оказался достаточно компетентен для того, чтобы в книге «Искусство чтения» выступить в новой для себя педагогической роли.

Автором предисловия к «практическому курсу» стал наставник Эрастова знаменитый Владимир Давыдов. Книга состояла из трех отделов. В первом («Техника выразительного чтения») рассматривались вопросы

²⁹ Эрастов Г. Искусство чтения. Практический курс логического и выразительного чтения для преподавания и изучения. СПб.: Изд-во Ф. И. Митюрникова, 1903.

³⁰ Настоящие имя и фамилия — Иван Николаевич Горелов.

³¹ Подробнее об этом см.: Хеллман. С. 8—9.

³² В автобиографии Эрастов намеренно или случайно указывает 1903 г.

³³ Северный курьер. 1900. 19 февр. (3 марта). № 108. С. 3.

правильной постановки дыхания, голоса, произношения, высоты, силы и скорости речи и основные принципы правильного чтения. Во втором («Логическое чтение») — знаки препинания, логическое ударение, паузы, логическое тонирование, чтение басен. В третьем («Выразительное чтение») — общие методические указания, элементы выразительности, экспрессия, колоритность, музыкальность и чтение прозы и стихотворений. В приложении был помещен систематический указатель упражнений по каждому подразделу («Дыхание», «Произношение», «Правильное чтение» и др.), где, как и во всех иллюстрирующих положения Эрстова примерах, использовались цитаты из хрестоматийных произведений Гомера, Горация, Пушкина, Крылова, Жуковского, Грибоедова и др.

О том, насколько роль педагога удалась Эрстову, сохранилось несколько отзывов, как хвалебных,³⁴ так и критических.³⁵ Впрочем, безотносительно к специфике предмета интересен сам факт создания Эрстовым пособия, не преследующего каких-либо коммерческих, рекламных или высоких литературных целей и даже не ставящего перед собой псевдопросветительских задач, но методически и довольно основательно разрабатывающего узкий круг вопросов, с которыми автор столкнулся на личном опыте.

Уход Эрстова из мира злободневной публицистики в мир театра был временным. Он вновь становится скандальным журналистом, обличителем пороков, насмешливым нигилистом. Однако в этот период его занимает отнюдь не жизнь городских низов. Мы находим Эрстова в кругу важных чиновников, в салоне князя Сергея Волконского (1860—1937). Знакомство с Эрстовым состоялось благодаря общности интересов — князь разделял его пристрастие к искусству.³⁶ Проходя сквозь круги аристократического «ада», Георгий собирал материал для своей «комедии» — серии разоблачительных статей о высшем свете. Ведь как гениальный итальянец не забывал своих грешных флорентийских соотечественников, так и Эрстов-правдоискатель не мог отказать во внимании российским государственным деятелям.

Главным объектом эрстовской критики стал экс-министр И. Л. Горемыкин (1839—1917), весьма неосмотрительно оказавший гостеприимство молодому журналисту. Недолгого времени, проведенного Эрстовым в загородной резиденции Горемыкина, хватило, чтобы Петербург узнал многие пикантные подробности из частной жизни бывшего члена правительства.³⁷ Естественно, после этого, следуя автобиографии, «Erastoff severed his connection with the „aristocracy“» («Эрстов порвал отношения с „аристократией“»). В очередной раз мы чувствуем мятежное обаяние личности Эрстова, столь беззастенчиво, по-хлестаковски, рассказывающего о своем легком обращении со строгим реакционным министром.³⁸

³⁴ Мозаика (приложение к журналу «Новый мир»). 1903. № 102. С. 23—24; Исторический вестник. 1903. Ноябрь. Т. 94. С. 676; Петербургская жизнь. 1904. № 763. С. 5528.

³⁵ Русское богатство. 1903. Май. № 5. С. 93—94.

³⁶ Подробнее об этом см.: Хеллман. С. 10.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

Кроме того, Эрастов обратился в своем творчестве и к пресловутой русской бюрократии. В журнале «Железнодорожник» он опубликовал рассказ «Делегат»,³⁹ повествующий о предприимчивости делопроизводителя и его помощника, некоего Орищенко, сотрудников «Кокуйско-Закатиловской» железной дороги, сумевших занять важные посты с помощью многоходовой карьеристской комбинации. Возможно, подобные сюжеты были взяты Эрастовым из собственной рабочей практики в Морском министерстве или же поводом к написанию рассказа послужила реальная история, преданная огласке в прессе, но, как бы то ни было, очевидна осведомленность автора во всех областях жизни, которые он брался описывать в своих рассказах.

Как оказалось, Эрастов был неплохо знаком и с историей города на Неве. В юбилейный 1903 г. вышла книга «Петербург в Петрово время»,⁴⁰ которую он написал в соавторстве с И. Н. Божеряновым. В обращении к читателям Эрастов писал следующее: «Нам предстоит задача восстановить, по имеющимся материалам, далекое прошлое „творения Петра“, историю и жизнь Петербурга, начиная с первых лет его существования, до того момента, когда его великий основатель отошел в вечность <...> мы будем уделять место преимущественно тем фактам и явлениям, на которых отразилась гениальная личность Петра, его заботы и стремления, его жизнь — монарха, реформатора и человека».⁴¹ В своей части книги Эрастов начинает очерк с событий 1706 г. и заканчивает соответственно 1725-м. Издание весьма любопытно по содержанию и написано хорошим слогом.

Оттремели петербургские празднества, постепенно подходил к концу 1903 год, последний год относительной стабильности, за которым последовал ряд потрясений для России. Часовой механизм бомбы замедленного действия — аллегория из романа Андрея Белого «Петербург» — был заведен, начинался отсчет времени... 27 января (9 февраля) 1904 г. с нападения на Порт-Артур началась русско-японская война. Прошла срочная мобилизация войск. Надежды правительства не оправдались: патриотического подъема достичь не удалось, война не могла изжить глухого недовольства общества, отвлечь народные массы от витающих в воздухе революционных идей. Тем не менее интерес к дальневосточным событиям был достаточно высок как в стране, так и за рубежом. Отечественные периодические издания охотно публиковали очерки и хроники русско-японской войны, одним из непосредственных участников и бытописателей которой добровольно стал Георгий Эрастов.

Что же сподвигло штатского человека, страдающего частыми недомоганиями, отправиться в Маньчжурию, выхлопотав командировку в качестве корреспондента «Биржевых ведомостей»? Как это ни парадоксально, война открывала для 28-летнего писателя и журналиста новые перспективы, среди которых использование живого и разнообразного материала «рассказов из боевой жизни» и столь важная для честолюбивого репортера возможность проявить свои таланты, обрести известность. Эрастов, видимо, ощущал потребность вырваться из порочного круга столичной жизни,

³⁹ Делегат: рассказ // Железнодорожник. 1903. № 2. С. 25—29; № 3. С. 22—25.

⁴⁰ Божерянов И., Эрастов Г. Петербург в Петрово время. СПб.: Энергия, 1903. Вып. 1—3.

⁴¹ Там же. Вып. 2. С. 58.

хотя бы на время забыть о долгах, переездах, не востребованности. В автобиографическом отрывке он предвзывает рассказ о своем участии в военных действиях следующим предложением: «Erastoff was forced by poverty to write articles on all sorts of subjects» («Бедность Эрастова заставляла его писать статьи на всевозможные темы»). Действительно, Эрастов был вынужден в ущерб складывающемуся литературному почерку братья за любую, даже самую низкооплачиваемую газетную работу. Смена обстановки позволяла сделать передышку и сконцентрироваться на новых творческих замыслах.

В феврале 1904 г. Эрастов оставляет мать в Петербурге и отправляется на Дальний Восток. Мария Львовна, оставшись без средств к существованию, обращается за помощью в Постоянную комиссию и Литфонд в письмах от 7 и 14 апреля.⁴² В первом она сообщает, что от сына, отбывшего в Маньчжурию, уже два месяца нет вестей.

По словам Эрастова, он провел в эпицентре военных действий десять месяцев. В автобиографии сказано: «When the Russian-Japanese war broke out, Erastoff went to Manchuria, where he spent ten months on the battlefield, Erastoff was all the time at the points of battle — and was wounded by shrapnel at Kadganchan...» («Когда началась русско-японская война, Эрастов поехал в Маньчжурию, где провел десять месяцев на полях сражений. Эрастов все время находился на боевых позициях и был ранен шрапнелью при Кадганчане»). В «телеграммном» приложении газеты «Русь»⁴³ о нем говорится следующее: «В Москву приехал проездом из Петербурга корреспондент петербургских газет Эрастов, раненый под Вафангоу». Сражение у станции Вафангоу произошло 1—2 июня 1904 г. Скорее всего, упоминаемый Эрастовым Кадганчан — одна из крохотных деревушек близ вышеназванной станции, протянувшихся вдоль Китайско-Восточной железной дороги. Расстояние до Порт-Артура составляло не более 150 верст, однако наступление 1-го Восточно-Сибирского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Г. К. Штакельберга было остановлено 2-й армией генерал-лейтенанта Ясукаты Оку. Потери русских войск втрое превысили потери противника.⁴⁴

Маньчжурская армия генерала-адъютанта А. Н. Куропаткина сдавала свои позиции. В сражении у Ляояна 11—28 августа агрессивная атакующая тактика японцев успешно противостояла численному превосходству русских. Результаты сражения были неоднозначны: противник потерял, по разным подсчетам, 23—24 тысячи, наши войска — 17—19 тысяч человек. Однако Куропаткин, сочтя себя побежденным, вновь отступил, на этот раз на север, к Мукдену.⁴⁵

Участие Эрастова в русско-японской кампании заканчивается Ляоянским сражением. Осенью 1904 г. со своим легким ранением и обширным литературным материалом он возвращается в Петербург.

⁴² РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 9 от 19 апр. 1904 г. Письмо М. Л. Эдельман от 14 апр. 1904 г.

⁴³ Русь. 1904. 9 (22) нояб. № 329. С. 5.

⁴⁴ *Левицкий Н. А., Быхов П. Д.* Русско-японская война 1904—1905. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 106—112.

⁴⁵ Там же. С. 202—205.

В столице он обращается к редакторам и участникам различных изданий с целью публикации «боевых впечатлений». Восемь рассказов он посылает А. А. Измайлову с письмом от 16 февраля 1905 г.,⁴⁶ с издателем журнала «Природа и люди» известным писателем А. Е. Зариным переходит на «ты», обращается за поддержкой к актеру Н. Н. Ходотову, имевшему связи с редакцией «Театральной России». Период с конца 1904 до конца 1905 г. вполне можно считать благоприятным для творчества Эрастова. За 1905 г. ни он, ни его мать ни разу не обратились за помощью в писательские организации. Произведения Эрастова печатались во многих журналах.

1905 год. С известными результатами закончилась русско-японская война. Пришла пора подводить итоги, давать оценку событиям. В это время выходит в свет «Отступление» («В огненном вихре») Георгия Эрастова. Роман, который сам Эрастов без ложной скромности назвал в автобиографии «great story of the war» («великая повесть о войне»), был первоначально опубликован в журнале «Родная нива»⁴⁷ с иллюстрациями художника С. В. Животовского и действительно вызвал определенный интерес у читателей и критики. Обращаясь к рецензиям, приведем выдержки из статьи Б. Бразоленко «Памятники смерти»,⁴⁸ рассматривающей «Отступление» Эрастова и «В мышеловке» В. В. Вересаева. Остановимся, естественно, на первой части статьи.

«„Отступление“ не может быть названо в полном смысле хроникой войны, тем более что автор доводит свои записки только до Ляоянского боя и последовавшего за ним отступления русской армии. Но, несмотря на это, картина получается полная и, надо сознаться, — картина потрясающая... <...> Характеристики отдельных типов очень метки — два-три слова, две-три черточки — и перед вами живой человек, человек чувствующий, мыслящий, страдающий, радующийся...». Например: «...обрюзгший, с желтыми пятнами на припухлом лице, страдающий одышкой, мучимый кашлем, желчный и раздражительный, — подполковник храбрился перед молодежью, напускал на себя воинственность, хотя в его беспокойном взгляде и голосе чувствовалась внутренняя тревога и страх перед будущим».⁴⁹

Действительно, для Эрастова, профессионального (пусть недипломированного) художника кисти, не составляло труда с помощью нескольких штрихов создавать и портреты литературные. Однако часто эти портреты у Эрастова представляют собой лишь наброски, эскизы с довольно слабой прорисовкой или, иначе говоря, мотивировкой, уместной при создании масштабной картины военных действий (во время которых индивидуальные черты личности, подчиненной общей воле, фактически стираются), но недостаточной применительно, например, к драматургическим образам (см. далее о пьесе «Продана»).

⁴⁶ РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, ед. хр. 383 (Архив Измайлова А. А., собрание Бурцева А. Е.).

⁴⁷ В огненном вихре: роман // Родная нива. 1905. № 18. С. 166—168; № 19. С. 171—175; № 20. С. 181—183; № 21. С. 191—192; № 22. С. 198—200; № 22—23.

⁴⁸ Бразоленко Б. Памятники смерти («Отступление» Эрастова, «В мышеловке» Вересаева) // Вестник знания. 1907. № 1. С. 91—96.

⁴⁹ Там же. С. 91.

Бразоленко также отмечает отдельные сцены, удачно описанные автором, в частности ту, «где вахмистр Евсеич, пробираясь под японским огнем, достал товарищам воды для питья», и сцену казни старика-китайца. «Здесь мы встречаемся с тем же приемом *контурной* (курсив мой. — П. Г.) обрисовки, которой был отмечен выше, когда мы говорили о приемах характеристики отдельных типов», — подчеркивает рецензент. Кроме того, положительно оцениваются пейзажные зарисовки и попытка этнографического анализа, предпринятая Эрастовым. Однако, по мнению Бразоленко, автор «явно идеализирует сынов небесной империи». «Дело в том, — пишет критик, — что многие стороны их общественного быта, конечно, очень симпатичны, больше того, достойны подражания; но несомненно также и то, что китайцы очень льстивы и скрытны, а поэтому нередко бывает трудно установить, где у них кончается искренность и начинается лицемерие».⁵⁰

С выводом об «идеализации» Эрастовым маньчжурских крестьян вряд ли можно согласиться. Напротив, автор «Отступления» в данном случае вполне объективен. Царские войска, уже несколько лет проводившие колонизаторскую политику в этом регионе, чувствовали себя его хозяевами. Местные жители подвергались насилию еще до начала русско-японской войны: выселения, ограничение передвижения, аресты и казни китайцев приобретали массовый характер.⁵¹ Во время войны в крестьянах Поднебесной часто подозревали японских шпионов. И действительно, как было солдату, жителю Русской равнины, не знакомому с этнографией, отличить одного монголоида от другого? К тому же не могла не раздражать коммерческая активность предприимчивого китайца, который даже получил в народе прозвище «уссурийского еврея».⁵² Отсюда постоянные гонения жителей русских поселений Дальнего Востока на своих соседей-китайцев и ответные нападения последних на станции КВЖД и города.⁵³ Взаимная неприязнь нарастала и, безусловно, сыграла свою роль и в действиях наших войск в Маньчжурии.

В заключение рецензент пишет следующее: «И в отличие от большинства современных русских так называемых беллетристов, мы не можем обвинить г. Эрастова в преднамеренной тенденциозности...».⁵⁴ В этом смысле «Отступление» со свойственными ему реалистичностью и отсутствием предвзятых идей действительно представляется безукоризненным, в отличие от многих «довоенных» произведений Эрастова.⁵⁵

Таким образом, писатель, корреспондент петербургских газет, художник Эрастов достиг своей цели — создал правдивую, основанную на собственном опыте «летопись» русско-японской войны. Среди менее крупных произведений на эту же тему отметим рассказы «Комарик»,⁵⁶ «Выбыл из строя» и «Во мраке».

⁵⁰ Там же. С. 91—92.

⁵¹ *Левицкий Н. А., Быхов П. Д.* Русско-японская война... С. 64—65.

⁵² *Широкопад А. Б.* Русско-японские войны 1904—1945. Минск: Харвест, 2003. С. 139.

⁵³ См.: Там же. Ч. II, гл. 6, 8.

⁵⁴ *Бразоленко Б.* Памятники смерти... С. 92—93.

⁵⁵ *Хеллман.* С. 14—15.

⁵⁶ *Комарик* (Рассказ из боевой жизни) // Родная нива. 1905. № 1. С. 10—12.

Первый рассказ повествует о неожиданном подвиге корнета Комарова, пробравшегося на вражеские позиции и с помощью флажков, знаками русской «семафорной азбуки», указавшего товарищам расположение главных орудий японцев. Второй — о перерождении на войне заядлого игрока и растратчика Павлушова, который героически погибает, успев отправить записку о численности японских войск и прикрыть отход товарищей. Рассказ «Во мраке»⁵⁷ погружает нас в пучину ужаса и смятения, наступившего после кровавого побоища: «Копышющиеся цепи стрелков, отступающая с разных сторон пустота, пулеметы и батареи, изрыгавшие огонь и посылавшие смерть, траншеи, заваленные трупами, залитые кровью, <...> — все это быстро утонуло во мраке». Всеобъемлющий мрак затмевает светила, смерть берет верх над жизнью, безумие — над рассудком, грохот войны поглощает крик человеческой души — такова реальность боевых впечатлений Эрастова.

Наряду с военной тематикой Эрастов не оставляет и свои старые жанры — литературный сон («Quasi una символика») и новеллу. Подобные произведения он публиковал, в частности, в «Петербургской жизни». К первому роду относится, например, рассказ «О чем рассказывал череп».⁵⁸ Череп поведал историю о юноше-иноке, который в необъяснимом смятении бежал из монастыря, преследуемый видением: церковная служба, мать с ребенком на руках, младенческий крик «мама!» и затем чудесный взгляд ребенка — первое, что юноша увидел, очнувшись в забытии в лесу, вдали от монастыря. Используя классический сюжет в духе лермонтовского «Мцыри», автор стремится раскрыть момент расцвета чувственности, который неизбежно, по зову природы, наступает в душе юноши-отшельника, вынужденного бороться со столь сильным искушением — жаждой свободы и воли. Монах не находит помощи и поддержки у своего исповедника-приора, выносящего беспощадный приговор: «Всем же отступникам и грешникам — гибель, и оставившие Господа истребятся!».

В эпилоге намечается еще одна линия рассказа — своеобразное возмездие времени, прогресса и вольной жизни: вокруг развалин мрачного монастыря спустя много лет вырос оживленный город. На месте обрушившейся кельи некий путешественник находит череп юноши.

В том же 1905 г. в «Петербургской жизни» Эрастов опубликовал новеллу «Marche funèbre» («Похоронный марш»)⁵⁹. Действие происходит в ресторане, пережившем очередную ночную оргию. Какой-то затейник предложил устроить дуэль в духе «fin de siècle»: победителем объявлялся тот, кто первым осушит бокал крепчайшего коктейля. Один из дуэлянтов упал без чувств. Вся компания, подумав, что молодой человек уснул нетрезвым сном, стала отпускать в его адрес насмешливые замечания, а один гуляка вдруг вспомнил о потешной традиции, бытовавшей в его драгунском полку, — совершать над мертвецки пьяными обряд отпевания. Собравшиеся дружно поддержали веселую идею. Совершив эту кошунственную мессу, весельчаки поняли, что у «мертвеца» действительно остановилось сердце.

⁵⁷ Во мраке (Из боевой жизни): очерк // Живописное обозрение. 1905. № 8. С. 177—179.

⁵⁸ О чем рассказывал череп: рассказ // Петербургская жизнь. 1905. № 823. С. 7380—7385.

⁵⁹ Marche funèbre: рассказ // Там же. № 829. С. 7476—7482.

Такого рода рассказы Эрастова печатались в петербургской периодике. Все они были идеологически нейтральны, но писатель стремился придать своему творчеству большую социальную направленность. Вскоре ему это удалось.

Вернувшись с войны в революционный Петербург, Эрастов оказывается вовлеченным в круговорот событий. В автобиографии он напишет в характерном эпатажном стиле: «When he returned to Russia, carried away by the Revolutionary movement, he issued a satirical journal „Burelom“, which met with a tremendous success... and 100 000 copies of the first number were sold» («Вернувшись в Россию, захваченную революционным движением, он [Эрастов] издавал сатирический журнал „Бурелом“, который столкнулся с огромным успехом... и 100 000 экземпляров первого номера были проданы»). Трудно судить, насколько указанное Эрастовым число проданных экземпляров соответствовало истине, однако очевиден тот факт, что журнал вызвал интерес не только у читателей, но и у цензуры. Дело № 222 по журналу «Бурелом» в I Отделении Канцелярии Главного управления по делам печати было заведено 26 ноября 1905 г., официальное свидетельство о праве на издание датировано 5 декабря того же года. В этом документе указываются следующие пункты:

Свидетельство № 6

Выдано от С.-Петербургского градоначальника, на основании ст. 4 отд. III Высочайше утвержденных 24 ноября 1905 года правил о повременных изданиях на выпуск в свете в С.-Петербурге литературно-сатирического журнала «Бурелом».

По следующей программе: беллетристические рассказы, очерки, фельетоны, стихотворения, сатирические мелочи, рисунки, карикатуры и объявления.

Сроки выхода в свет: один раз в неделю.

Подписная цена: в год 3 рубля.

Издатель: литератор Георгий Павлович Эдельман-Эрастов.

Место жительства: Невский пр., 102, кв. 32.

Ответственный редактор: он же.⁶⁰

Казалось бы, в программе журнала нет ничего предосудительного. Но, как выяснилось вскоре, декларируемая сатирическая направленность «Бурелома» переходит пределы дозволенного. Журнал, как и многие в то время, был революционным по содержанию и имел соответствующий внешний вид. Карикатуры и прочие иллюстрации воплощали образы ненавистного буржуа и угнетаемого рабочего. Преобладал в оформлении, конечно, красный цвет, ставший символом нового времени, революции.

Георгий Эрастов — главный редактор и издатель журнала, проповедующего, как мы убедимся далее, социал-демократические идеи, участник опасной игры истории, балансирующий на краю пропасти. Что привело в ряды оппозиции вчерашнего корреспондента петербургских газет, добровольно воевавшего с японцами в составе царской армии?

Исследуя мотивы, побудившие более именитых, чем Эрастов, литературных деятелей обратиться к идеям восстановления социальной справед-

⁶⁰ РГИА, ф. 777, оп. 6, д. 90.

ливости, мы могли бы вспомнить мысль И. С. Тургенева, высказанную в письме к К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 г.: «Все истинные отрицатели, которых я знал (Белинский, Бакунин, Герцен, Добролюбов, Спешнев и т. д.), происходят от сравнительно добрых и честных родителей. И в этом заключается великий смысл: это отнимает у деятелей, у отрицателей всякую тень личного негодования, личной раздражительности. Они идут по своей дороге потому только, что более чутки к требованиям народной жизни».⁶¹

Был ли повод для «личного негодования» у Эрастова? Будучи разночинцем, бедствующим интеллигентом, в социальной иерархии он занимал промежуточное положение между недовольными крестьянами и формирующимся пролетариатом, с одной стороны, и «кающимися» дворянами — с другой, что в целом освобождало его от идеологической ответственности. Причину следует искать в другом. Эрастов, как нам кажется, был ярким представителем своей эпохи: по складу характера и роду занятий он не мог не стать революционером, пусть больше на словах, чем на деле, пусть под влиянием диковатой «моды», но он снова должен был находиться в центре событий, занять свою нишу в общественной жизни. Так появился «Бурелом».

Первый же номер журнала был воспринят цензурой в штыки. Из донесения начальника Главного управления по делам печати А. В. Бельгарда: «Комитет нашел, что в статье под заглавием „Так говорил Заратустра“ в оскорбительной для Его Императорского Величества форме приведены резолюции Государя Императора на всеподданнейшем отчете Государственно-го контроля, а на стр. 5 помещен портрет с явной целью изобразить в нем Государя Императора в обстановке оскорбительной и доказывающей дерзкое неуважение к Верховной власти. <...> Цензурный комитет постановил возбудить против всех лиц, могущих оказаться виновными по настоящему делу, судебное преследование...».⁶²

В статье «Так говорил Заратустра»⁶³ сотрудника «Бурелома» Андрея В. в описании некоего эпизода из жизни пророка завуалирован отклик на события Кровавого воскресенья. Сам Заратустра и его помощники, орел и змея, рассуждают о «стальных гигантах», под которыми, конечно же, подразумеваются власти:

«И сказала змея: „Смертью грозят эти гиганты, но сами они мертвы“.

И сказал орел: „Зияют их разверстые пасти, но челюсти их бессильны, и зубы их не кусают“».

Далее аллегорически изображается шествие мирной демонстрации к Зимнему дворцу: «И увидел Заратустра вереницы людей, длинные вереницы. И они шли навстречу Восходящему Солнцу (читай, государю императору. — П. Г.), и оно бросало на лица их, и на одежду, и на оружие их кровавые отблески». Вскоре наступает трагическая концовка: «И увидел Заратустра море трупов, застывшее море. И волны голых трупов, опепеленных, замерзших, вздымали к слепому небу скорченные руки, и закоченелые уста

⁶¹ Тургенев И. С. ПССИП: В 28 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Письма. Т. 4. С. 380.

⁶² РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 2169.

⁶³ Бурелом. 1905. № 1. С. 2—3.

кричали немymi воплями». Так вымышленное апокалиптическое видение пророка было соотнесено автором статьи с катастрофой 9 января 1905 г.

Под вышеупомянутым «портретом» подразумевалась карикатура Эрастова «Зачитался»,⁶⁴ подписанная псевдонимом *Homunculus*. На ней легко угадываются черты Николая II, мирно почитывающего «Правительственный вестник» и будто намеренно не замечающего кровавой бойни за окном. Трон императора подтачивают мыши — олицетворение чиновников и министров Николая. В том же антиправительственном духе звучал и памфлет Эрастова «Скептик (Подражание Шумахеру)»:

Сват Пафнутий!.. Слышал?..
Дьякон сообщал,
Будто хулиганам
Царь отставку дал!..

Да! держи карманы!
Дьякон мелет зря:
Чай, ведь, хулиганы —
Посильней царя!..⁶⁵

В стихотворении «Из песни о лесе дремучем» Эрастов призывает к свержению «великанов леса»:

Громы! Громче раздавайтесь!
Ярче, молнии, сверкайте!
Расчищайте лес дремучий
От засохших великанов!
Поражайте старцев леса,
Отнимавших жизнь у юных,
Пожиравших влагу неба,
Заслонявших солнце правды!
Громы, громче раздавайтесь!
Ярче, молнии, сверкайте!
А настанет час заветный —
Стихнут грозные удары.
И на прахе пораженных
Жизнь свободная начнется!..⁶⁶

Второй номер «Бурелома» также выражал оппозиционные настроения. На странице 5 была помещена новая карикатура *Homunculus*'а «Собрался» — на этот раз Николай II в той же комнате дворца упаковывал чемоданы, а на полу были разбросаны обрывки журнала «Правительственный вестник». Кроме того, цензура небезосновательно сочла, что стихотворение В. Т-ова «К народу» призывает к бунту:

Сверкнул свободный луч денницы,
Народ к сознанию пробудился...

Пальба... Резня... Полны темницы
И бесконечен ряд могил.

⁶⁴ Там же. С. 5.

⁶⁵ Там же. С. 3.

⁶⁶ Там же. С. 7.

* * *

От захолюстья до столицы
Могучий крик бойцов летел...
Пальба... Резня... Полны больницы
Полуживых разбитых тел...

* * *

Вперед за правду без боязни!
Вперед, народ, ты победил!
Тебе не страшен призрак казни
И бесконечный ряд могил!⁶⁷

В результате 24 января 1906 г. «Бурелом» был официально запрещен, а его главный редактор Г. Эрастов привлечен к ответственности по статьям 103, 106 и пункту I статьи 129 Уголовного уложения 1903 г.⁶⁸ Однако Эрастов не сдавался. Уже находясь под давлением властей, он в начале 1906 г. стал издавать журнал «Буря» — с той же политической направленностью. И вновь Бельгард пишет донесение: критике на этот раз подверглись опубликованные в 5-м номере «Бури» стихотворение «Я вас не звал, былого тени» Ильи Гурвича, стихотворение «Никто не ждет» и статья «89 год» А. Рославлева. Статья с первых же строк вызывала у почтенного цензора негодование: «Нынче позволительно немного мечтать. Не так, чтобы уж очень, но до известной степени можно. Собственно говоря, мечтал я и раньше и уж очень давно, никогда не спрашивая себе на то разрешения от полиции, но нынче все чаще мечты мои принимают багровый оттенок...».⁶⁹ Характерно в этом смысле и стихотворение «Никто не ждет»:

Никто не ждет, никто не знает,
Что ужас будет явлен вновь,
О мшени ярыстом вызывает
Недавних жертв святая кровь...
и т. д.⁷⁰

Революционному тону этих строк вторит и Гурвич:

Отчизна-мать затосковала,
Как пробужденная раба,

⁶⁷ Там же. С. 6.

⁶⁸ РГИА, ф. 777, оп. 7, д. 87. Статья 103, часть I гласила: «Виновный в оскорблении Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола, или в угрозе Их Особе, или в надругательстве над Их изображением, учиненных непосредственно или, хотя и заочно, но с целью возбудить неуважение к Их Особе, или в распространении или публичном выставлении с тою же целью сочинения или изображения, для Их достоинства оскорбительных, наказывается: каторгою на срок не свыше 8 лет». Статья 106 предусматривает по этой части статьи 103 замену каторги ссылкой на поселение (Уголовное уложение 1903 // Приложение к журналу «Вестник сенатской практики». 1903. № 23—24. С. 35).

По пункту I статьи 129, «виновный в произнесении или чтении публично речи или сочинения, или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих: к учинению бунтовщического или изменнического деяния...» приговаривался к ссылке на поселение (Там же. С. 44—45).

⁶⁹ Буря. 1906. № 5. С. 2.

⁷⁰ Там же. С. 6.

В цепях тяжелых, что сковала
Ей прихотливая судьба.⁷¹

Эрастов публиковал в своем журнале не только провокационные стихи, но и прозу. В 4-м номере «Бури» он поместил, например, рассказ «Однажды ночью»,⁷² повествующий о судьбе двух гонимых «проповедников», а точнее агитаторов, — старика отца и подростка сына, проводивших собрания среди фабричных рабочих. Для описания собраний автор частично использует шаблон «Открытого письма Максиму Горькому» с такими характерными фразами, как: «Толпа сосредоточенно слушала» или: «Безмолвны были и хмурые лица вокруг. И в этом молчании чуялась нарастающая сила, чуялось приближение бури...». Отец и сын были арестованы; подростка жестоко избили и изуродовали, лишив глаза и отрезав уши. Агитаторы скрывались за границей, там «они жили среди свободных людей и были сами свободны». Однако вскоре они вернулись в объятую революцией страну с мыслью, «что там, где нет борьбы, — нет жизни, и что жизнь — борьба».

Под таким патетическим лозунгом проходит, пожалуй, значительная часть публицистики 1905—1907 гг., представленной многочисленными «красными» и «еврейскими» газетами и журналами, пестревшими антиправительственными высказываниями и карикатурами на царя и высших чиновников.

Протест выражался в самой наивной форме. В том же рассказе «Однажды ночью» главные герои идеализируются, обретают чуть ли не ореол мучеников-страстотерпцев, борцов за свою «веру», угнетаемых темными силами царского режима.⁷³

Журнал «Буря» был запрещен 7 февраля 1906 г.⁷⁴ Эрастов был арестован и, если верить автобиографии, выпущен под залог в 5000 руб. Эрастов

⁷¹ Там же. С. 7.

⁷² Однажды ночью: рассказ // Буря. 1906. № 4. С. 2—3.

⁷³ Недаром Н. А. Бердяев писал, что даже «русские атеизм, нигилизм, материализм приобрели религиозную окраску» (*Бердяев Н. А. Русская идея*. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. С. 239).

⁷⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 530, ед. хр. 431, л. 104. Вместо журнала «Буря» началось издание «Буревала» того же формата и содержания, но уже с новым главным редактором (Эрастов, как будет сказано, покинул Петербург), которым стал некто В. Е. Турок (псевдоним — Вилли). Состав сотрудников журнала тоже изменился, из прежних остался только Илья Гурвич, участвовавший во всех трех изданиях. Ему принадлежит вступительное стихотворение «Буревал» — очередная вариация на тему разыгравшейся в лесном государстве революционной стихии:

Тут безысходными часами
Свирепый вихорь бушевал —
Перед усталыми глазами
Чернеет дико буревал.

Родные, милые дубровы,
Как сокрушило их кругом!
Как будто ночью враг суровый
Прошел с безжалостным мечом...
и т. д.

(Буревал. 1906. № 1. С. 2)

№ 1—2 журнала вышли в марте 1906 г., третий практически повторял содержание первых двух, № 4 был полностью изъят цензурой. На этом история эрастовской публицистики заканчивается.

чудесным образом избежал суда и заключения и в 1906 г. переехал в Финляндию, а затем за пределы Российской империи — в Швецию и Данию.⁷⁵ Это путешествие-побег из Петербурга было описано в идиллическом рассказе «В тихих шхерах»,⁷⁶ повествующем о жизни лирического героя Эрастова и его спутника на одном из финских островков «среди мирного уединения и созерцания».⁷⁷ Отправление на пароме в сторону Финляндии представлено сентиментальным автором как радостное освобождение: «И бледнеют мрачные призраки недавнего прошлого, и улыбаешься солнцу, весне и простору и с надеждой встречаешь новую жизнь и свободу!».⁷⁸

С такими радужными мыслями покидал Петербург Эрастов, впереди его ждали взлеты и падения. А бедная мать, оставшаяся в столице, снова была вынуждена обратиться за материальной помощью в известные организации. В письме от 3 мая 1906 г.⁷⁹ в Литфонд Мария Львовна, ссылаясь на отъезд сына, просит о пособии на покрытие самых необходимых расходов, в послании от 4 апреля 1907 г.⁸⁰ в Постоянную комиссию — «на лечение глаз», начинающейся глаукомы.

Зарубежный период жизни и творчества Эрастова: его участие в Свенском театре, женитьба на известной шведской актрисе (взявшей его фамилию, в местной огласовке) Эдит Эрастофф, драматургические триумфы и психическая болезнь⁸¹ — все эти подробности его жизни-эпопеи выходят за рамки нашей статьи, завершающейся событиями 1906 г.

Из зарубежных произведений Эрастова упомянем о пьесе «Продана», поставленной на сценах Лондона и Нью-Йорка и даже положенной в основу одноименного кинофильма.⁸²

Действие драмы разворачивается в большом городе в квартире талантливого, но отнюдь не богатого художника Даниила Брайдина и его жены Эллен. Непризнанный гений Брайдин, не желая идти на уступки пошлому общественному вкусу, испытывает известные материальные проблемы. Эллен, боготворящая своего супруга, готова на все, чтобы помочь развитию его дарования. «Ведь я люблю в тебе не только человека! Я люблю тебя как художника, я верю в твое творчество, в твои грезы!», — говорит она.

Волею судьбы покой супружеской четы Брайдиных нарушает давний друг Даниила, его товарищ по Академии художеств, а ныне преуспевающий живописец Роберт Кранц. Увидев в доме Брайдина картину под названием «Продана», на которой была изображена закованная в цепи обнаженная рабыня, ожидающая своего нового хозяина, Роберт загорелся желанием найти ту прекрасную женщину-натурщицу, не узнав в ней Эллен. Даниил не называет ее имени, придумывая различные отговорки. Кранц заявляет, что отдал бы любые деньги за возможность написать портрет

⁷⁵ См.: Хеллман. С. 14—35.

⁷⁶ В тихих шхерах: отрывки из дневника // Финляндия. 1909. 10 (23) сент. № 13. С. 343—355.

⁷⁷ Там же. С. 346.

⁷⁸ Там же. С. 345.

⁷⁹ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 15 от 8 мая 1906 г. Письмо М. Л. Эдельман от 3 мая 1906 г.

⁸⁰ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, ед. хр. 652, л. 22.

⁸¹ См.: Хеллман. С. 50.

⁸² См.: Хеллман. С. 52, 54. Фильм не сохранился.

этой женщины, и тогда Элли, из любви к мужу, решается открыться Кранцу ради необходимых средств.

Догадавшись обо всем, Брайдин направляется в номер к Кранцу и там находит подтверждение своим мыслям — перчатку, в суматохе оброненную спрятавшейся за ширмой женой. Взбешенный Даниил стреляет в картину Кранца, пуля попадает в Элли (рана не смертельна). Рядом с ней потерявший самообладание, плачущий навзрыд муж и мужественный Роберт, оказывающий первую помощь. Элли, виновница и жертва трагедии, слабым голосом просит мужчин простить ее и помириться между собой.

Мелодраматичная бесхитрость и наивность пьесы, покоровшей сердца западных зрителей, весьма характерна для идеалистического мировоззрения Эрастова и вполне вписывается в круг проблем его творчества. Истинный талант и цветущая посредственность, долг и честь, с одной стороны, и стремление к счастью ближнего, самопожертвование — с другой, гордость и унижение, сила и слабость — все это было чрезвычайно близко и знакомо драматургу и человеку Георгию Эрастову. Однако сентиментальность была уже не в моде, тем более что все увереннее вступал в свои права прагматичный XX век.

Последние годы жизни Эрастова были такими же печальными, как и концовка его пьесы. После плодотворного периода с 1906 приблизительно до 1911 г. у него вновь начался творческий застой. Моральные и физические силы Эрастова были истощены. После череды успехов и неудач он вновь остался один, как всегда один в борьбе с нищетой. 8 декабря 1912 г. приват-доцент Петербургского университета Карл Тиандер, встречавшийся с Эрастовым в Копенгагене, отправил в Литфонд письмо,⁸³ описывающее положение высланного писателя. Тиандер нашел Эрастова в крохотной квартирке, которую тот разделял с матерью, приехавшей в Данию помочь сыну, и прачкой. Писатель, по словам Тиандера, «производил впечатление человека до того истощенного, что даже говорить ему было трудно». Эрастов почти полностью потерял память, оказался беспомощным, как ребенок, и зависел от матери. На деньги копенгагенской общественности Эрастова на два месяца поместили в санаторий доктора Брюннике, где врачи имели возможность наблюдать «все признаки умопомешательства» пациента. Лечение не возымело действия. Так был потерян для литературы и жизни писатель, в судьбе которого, по словам его ходатая, «отразились общие настроения русского общества эпохи 1904—9 гг.».⁸⁴

В 1913 г. была объявлена амнистия по случаю 300-летия дома Романовых, и Эрастов смог вернуться в Россию. 4 июля 1913 г. сопредседатель Литфонда Ф. Д. Батюшков выступил на заседании с докладом⁸⁵ о состоянии писателя. В частности он сообщил о решении врачей не помещать Эрастова в больницу Николая Чудотворца, предназначенную для тяжелых душевнобольных: «Полная потеря памяти, но некоторое сознание есть, поэтому было бы жестоко помещать его к Николаю Чудотворцу». Это означа-

⁸³ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 30 от 10 дек. 1912 г. Письмо К. Ф. Тиандера от 8 дек. 1912 г.

⁸⁴ Письмо К. Ф. Тиандера.

⁸⁵ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 17 от 4 июля 1913 г.

ло, что Эрастову, страдавшему «прогрессивным параличом мозга»,⁸⁶ была дана возможность спокойно окончить свои дни дома. А домом была очередная «холодная квартира», комнатуха, на отопление которой Марии Львовне приходилось просить денег в комиссиях.⁸⁷

Любопытно, что в № 37 журнала «Новости экрана» за 1914 г. появилось маленькое стихотворение Эрастова, очевидно перепечатка, так как он уже не мог ничего писать в то время.

Встреча первая, свиданье...
Страстный взгляд... полупризнание
И весны волшебной сказка...
Это — повести завязка.

* * *

Свадьба... в нравах перемены...
Нервы, деньги, нервы... сцены...
Наступает охлаждение...
Это — просто продолжение...

* * *

Дома друг и кредиторы...
Драки каждый день и ссоры...
Клоки бороды, повязка!
Это повести развязка!⁸⁸

Эти несколько строк о превратностях семейной жизни и жизни в целом напоминали о прежнем Георгии Эрастове, человеке язвительном и дерзком, когда-то мечтателе, чья горькая ироническая улыбка ныне сменилась бессмысленной гримасой.

С 1915 г. Эрастов практически не вставал с постели.⁸⁹ 12 января 1916 г. с ним случился инсульт, повторившийся на следующий день.⁹⁰ Мария Львовна писала в Постоянную комиссию и Литфонд: «Сижу голодная, холодная и не вижу ниоткуда никакой поддержки»;⁹¹ она просила «помочь купить сажень дров».⁹² Приходилось довольствоваться мелкими подачками. Последние 50 руб. Мария Эдельман получила от Постоянной комиссии 13 апреля 1918 г. в ответ на письмо от 9 апреля,⁹³ в котором она сообщила о смерти сына.

Никто не заметил этой смерти. Вокруг грохотала революция, на глазах рушился старый мир, приносились человеческие жертвы миру новому. Может возникнуть вопрос, кем стал бы Эрастов в сложившихся условиях, он, который жаждал свержения самодержавия, народного переворота? Чем больше вглядываемся мы в судьбу и творчество этого писателя, тем яснее

⁸⁶ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, ед. хр. 652, л. 25. Письмо М. Л. Эдельман от 19 дек. 1914 г.

⁸⁷ Там же, л. 28. Письмо М. Л. Эдельман от 26 нояб. 1916 г.

⁸⁸ Повесть // Новости экрана. 1914. № 37. С. 13.

⁸⁹ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 21 от 1 июня 1915 г. Письмо М. Л. Эдельман от 25 мая 1915 г.

⁹⁰ РО ИРЛИ, ф. 155, протокол № 10 от 25 янв. 1916 г. Письма М. Л. Эдельман от 16, 17 янв.

⁹¹ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, ед. хр. 652, л. 30. Письмо М. Л. Эдельман от 9 апр. 1918 г.

⁹² Там же, л. 29. Письмо М. Л. Эдельман, без даты.

⁹³ Там же, л. 30. Письмо М. Л. Эдельман от 9 апр. 1918 г.

понимаем, что он был бы невозможен в культурном и политическом контексте нового времени. Судьба сыграла с ним злую шутку: в столь важный для истории России момент Эрастов доживал свой век в бушующем Петрограде безучастным и беспомощным инвалидом. Судьба избавила его и от мучительного выбора между Горьким, Дзержинским и кладбищем Сент-Женевьев-де-Буа. Эрастов остался в прошлом «столетии», закончившемся в октябре 1917 г.

Дидактический пафос рассказов и широта натуры, язвительный тон журналистских публикаций и смиренные прошения в императорские комиссии, реализм романов о войне и иллюзорность эссе, наивность драматургии и неподдельная драма жизни, бедность и невостребованность, временные стабильность и успех, «быть или не быть?» и, наконец, безумие — все перемешалось в судьбе писателя с романтическим псевдонимом Эрастов. Мог ли он стать Героем того времени? Пожалуй, нет. Серебряный век породил целую плеяду гениев, на фоне которых терялся малоизвестный литератор. Однако Эрастов всю жизнь был еще и актером, играющим роль Героя, и эта роль в значительной мере типична, как типичен и ее исполнитель. Театральной представляется жизнь Георгия Эрастова и контрастно обыденной, прозаической — его смерть. Эрастов явно спешил, стремился закончить свой монолог, будто чувствуя, что ему не найдется места в новом театре.